

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЛИК БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ЭЛИТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВЕЛИКОРОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Н. И. Пьяных

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 3» г. Рассказово Тамбовской области

Поступила в редакцию 10 декабря 2022 г.

Аннотация: статья посвящена составу большевистской региональной элиты начала XX в. В ней рассматривается социально-демографический и социокультурный облик элитарных провинциальных деятелей большевизма.

Ключевые слова: большевистская элита, европейская Великороссия, начало XX в.

Abstract: the article is devoted to the composition of the Bolshevik regional elite of the early XX century. It examines the socio-demographic and socio-cultural appearance of the elite provincial figures of Bolshevism.

Key words: Bolshevik elite, European Great Russia, the beginning of the XX century.

В современной исторической науке большое внимание уделяется человеку. Большевики с их достоинствами и недостатками, несомненно, являются представителями человеческого общества. После развала СССР, цементировавшегося коммунистической системой, они изучаются еще недостаточно на региональном уровне и не входят в число приоритетных направлений исторической науки. В этом контексте показательно, что партийно-политической провинциальной элите России 1890–1920-х гг., в которую входили деятели левого социал-демократического движения, были посвящены общие очерки и отдельные статьи проигравшим в начале XX в. политическим партиям: кадетам, народным социалистам, эсерам [1; 2]. Большевики не «удостоились» отдельного целостного исторического исследования. Между тем именно они стали победителями в Революции 1917 г. и последующей Гражданской войне. Одной из причин этого являлась их активная политическая деятельность, установление и удержание ими власти в европейской части Великороссии. В национальных окраинах были и действовали «свои» большевики. О столице Украинской ССР уже в 1922 г. большевистский вожь писал, что «Харьков мы не знаем, это для нас “заграница”» [3, с. 545]. Хронологические границы ограничиваются началом XX в., поскольку это время было периодом зарождения, становления и пика большевистской элиты. Всем этим и объясняется наш выбор.

Это исследование основано на базе данных «Партийно-политическая элита провинциальной России

(1890–1920-е гг.)», в составлении и публикации анализа которой автор данной статьи принимал участие. Спустя 10 лет мы снабдили ее выявленной дополнительной информацией. Из банка данных мы вычленили большевиков – кандидатов в члены Учредительного собрания в 1917 г. Их отношение к провинциальной элите бесспорно, поскольку еще в программном минимум РСДРП 1903 г. содержалось требование «созыва Учредительного собрания, свободно избранного всем народом» [4, с. 50], и для того, чтобы победить на выборах, в него большевики выставили своих лучших кандидатов.

Всего мы выявили 212 деятелей большевистской элиты европейской Великороссии. Ее численность кажется небольшой без учета того факта, что, по данным исследователей, членами РСДРП(б) по всей стране осенью 1917 г. было всего 350 тысяч человек [5, с. 149]. В Олонецком избирательном округе радикальные марксисты вообще не смогли выставить ни одного кандидата в конституанту.

На 156–212 человек мы имеем персональную информацию, включающую фамилию, имя, отчество, год и место рождения, социальное происхождение, род занятий, образование, пол, народность, годы вступления в революционное движение, должность в партии, данные о репрессиях, дате и месте смерти. Эти данные позволят в целом осветить облик провинциального элитарного большевика.

Социальное происхождение человека являлось основополагающим показателем в марксистском обществоведении и коммунистической социальной индоктринации. После прихода к власти большевики обращали внимание в человеке в первую очередь на то, «к какому классу он принадлежит, каково его происхождение» [6].

Половина членов РСДРП(б) формально принадлежала к крестьянскому сословию. Однако они уже не были свободными сельскими обывателями. Будучи выходцами из деревни, они не соответствовали категории крестьянства, в частности, ни по роду занятий (об этом ниже), ни по месту жительства. 59 таких человек (89,9 %) указали свое место пребывания город, поскольку в нем проживали. Происходивший из семьи еще крепостных крестьян (1848 г. р.) Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии [7, с. 404] редактор псковской социал-демократической газеты «Пчела», кандидат в члены Учредительного собрания по Псковскому избирательному округу И. И. Рябков жил в Териоки [8; 9]. Появившийся на свет в деревне Ольшевские Виленской губернии участник местного комитета РСДРП(б) А. М. Цихонский проживал в Белгороде [10]. Миграция крестьян из села в город объясняется демографическим перенаселением деревни, выталкивавшим ее «лишних» уроженцев в урбанистическое пространство, дававшее большие возможности самореализации. Яркое, но не единственное тому подтверждение – имевшая 9 братьев и сестер, родившаяся в селе Колычево Нижнеломовского уезда Пензенской губернии кандидат в члены Учредительного собрания от Саратовского округа, научный работник, проживавшая в Москве в известном «Доме на набережной» В. М. Корнеева [11].

Каждый четвертый большевик являлся городским обывателем, мещанином. Город был его основным местом рождения и деятельности. Председатель Ковровского комитета партии и ВРК Н. С. Абельман – уроженец Брест-Литовска Гродненской губернии [12, с. 40]. Полтавский мещанин П. А. Костюков активно участвовал в создании белгородской городской большевистской организации и избирался председателем местной думы. Исключение составлял И. А. Андреев, родившийся в деревне Ларинки Смоленской губернии и бывший председателем Смоленского губисполкома. Здесь очевидно влияние контраста между дореволюционным городом и деревней на представителей этих разных «миров».

Доля дворян оказалась также заметной среди радикальных социал-демократов (табл. 1). У половины из них отцы являлись чиновниками и военными офицерами империи. Налицо конфликт поколений родителей и детей, критически относившихся к социальному положению своих папаш. Только у отца организатора социал-демократической группы и одного из руководителей забастовки железнодорожников в Рославле в 1905 г. С. Д. Турчанинова было свое имение. Остальные большевики происходили не из помещичьих, а из обедневших представителей «первенствующего сословия» и указывали свой генезис по профессиональному статусу: из семьи врачей,

сельских учителей и служащих. Председатель Колпинского ревкома и секретарь Башкирского обкома ВКП(б) Нимвицкий и вовсе считал себя мещанином [13]. Так или иначе, представители, согласно полицейской терминологии начала XX в., «одного из важнейших орудий правительства» выступали против самого правительства.

Таблица 1
Социально-сословный облик региональных большевиков

Социальное происхождение	Количество	Процент
Дворянство	17	10,37
Духовенство	9	5,49
Купечество	3	1,83
Казачество	2	1,22
Мещанство	45	27,43
Крестьянство	75	45,73
Из служащих	2	1,22
Из разночинцев	4	2,44
Из рабочих	7	4,27
Всего	164	100

Духовенство составляло 5 % большевистской провинциальной элиты. По причине широкого распространения материалистических идей и религиозного упадка в империи дети служителей культа не хотели продолжать семейную традицию и становиться священниками. Они изначально или после окончания духовной семинарии поступали в светские образовательные учреждения. К тому же социалистическое учение, приверженцами которого они являлись, проповедовало атеизм и поэтому было несовместимо с религией, считавшейся «опиумом для народа».

Представителями купеческого сословия были три еврея. Двое (председатель ЦИК Донской республики В. С. Ковалев и кандидат ВУС от ОВД И. В. Алешин) представляли военно-служилое сословие.

Около 10 % твердых искровцев выпадают из общей картины, поскольку вели свое социальное происхождение из разночинцев, рабочих и служащих, не существовавших в официальных «разрядах» подданных Российской империи. Такая самоидентификация наглядно свидетельствует о неприятии революционерами сословной структуры тогдашнего социума, а также состоянии перехода ее в классовую.

Большевики происходили из низших и средних слоев российского общества. Такие социальные позиции могли породить у людей желание вступить в политическую партию, пропагандировавшую социальную революцию.

Род занятий провинциальных большевиков не соответствовал их социальному происхождению. По имеющимся данным, всего лишь один левак, кандидат ВУС по Костромскому избирательному округу

И. Д. Лебедев был земледельцем. Этот факт свидетельствует о том, что выходцы из деревни не связывали свою судьбу с работой в сельском хозяйстве.

Наибольшей профессиональной категорией был пролетариат (46 %), представители которого принадлежали преимущественно (на 58 %) к крестьянскому сословию. Набор рабочих специальностей, имевшихся у большевиков, как и существовавших в стране вообще, разнообразен: кочегар (председатель Мелекесского укома РКП(б) Я. Е. Пискалов [14, с. 7]), столяр (председатель Железнодорожного комитета РСДРП(б) в Саратове С. Т. Ковылкин [15, с. 683]), пекарь (начальник Красной гвардии Астрахани И. Е. Лемисов), ткач (председатель Иваново-Вознесенского Совета Ф. Н. Самойлов), чертежник (председатель Сормовского комитета РСДРП Д. М. Данилов), маляр (член Ярославского к-та РСДРП(б) И. И. Коротков [10]), слесарь (председатель Тамбовского губкома РСДРП Ф. Н. Беликов [16]). Высокий процент рабочих в партийной элите объясняется социальной ориентированностью марксизма на пролетариат и развитием в центральных губерниях России капитализма, для которого требовалось широкое применение наемного труда.

Военным и служащим являлся примерно каждый десятый эсдек. Ратники в основном еще до призыва во время русско-японской и Первой мировой войн были уже вступившими на революционную стезю. Именно они, как давно доказал выдающийся историк, сыграли значительную роль в установлении большевистской власти [17]. К низшим служащим относились железнодорожники, телеграфисты, почтовики. Они вовлекались в политику революционной стихией начала XX в.

Большевики декларировались как партия рабочего класса. Поэтому неудивительно, что на низком уровне находился удельный вес педагогов, юристов, журналистов. Еще меньше была численность врачей, инженеров, экономистов. Всех их (29,4 %) следует причислить к особой социальной группе – интеллигенции, традиционно критически относившейся и потому находившейся в оппозиции, в данном случае радикальной, к власти.

Людей без определенных занятий составляло около 7 %. Не получив профессии, необходимой для нормальной жизнедеятельности в обществе, они пополняли ряды профессиональных революционеров. Таким, например, был председатель Тверского комитета А. И. Криницкий [10] и секретарь Донского окружного бюро РСДРП(б) М. П. Жаков [18, с. 216].

Экстраординарной фигурой оказался кандидат ВУС от Воронежского избирательного округа и городской гласный С. Д. Турчанинов, который был единственным в нашей базе данных управляющим имения своего дворянина-отца. После отмены кре-

постного права помещики не могли приспособиться к капиталистическому типу экономики.

Большевистская провинциальная элита была рабоче-интеллигентской по профессиональному составу (табл. 2). Интеллигенция являлась, по меткому выражению известного историка, «возмутителем спокойствия», провоцирующим революцию [19, с. 70]. На рабочий класс была направлена деятельность РСДРП(б). Оба эти слоя, появившиеся для того времени относительно недавно, хотели найти себе лучшее место в Российской империи.

Таблица 2

Профессиональный состав большевистской элиты

Род занятий	Количество	Процент
Чиновники	1	0,49
Служащие	18	8,82
Военные	17	8,33
Юристы	12	5,88
Экономисты	3	1,47
Врачи	8	3,92
Педагоги	14	6,87
Инженеры	7	3,43
Журналисты	16	7,84
Рабочие	94	46,08
Без определенных занятий	14	6,87
Всего	204	100

После Февральской революции 1917 г., свергнувшей монархию, активно борющуюся с революционной «заразой», подавляющее большинство леваков сменили прежние занятия на партработников и пропагандистов (137 чел., 67,15 %), став профессиональными революционерами, что во многом определило их успех в Октябре 1917 г. и последующем удержании власти в своих руках.

Уровни образования коррелировали занятиям большевиков. Больше половины эсдеков имели низшее образование. Оно было у подавляющего большинства рабочих по профессии (82,9 %). Председатель Алтайского губисполкома П. Л. Пахомов закончил сельскую школу [20, с. 105], член Псковского ВРК М. Г. Иванов – ремесленное училище [7, с. 199], председатель Самарского губкома РСДРП(б) А. Х. Митрофанов – фабричную [21, л. 208], заведующая женотделом Тверского губкома А. В. Афанасенкова – начальную школу [10], а уже упоминаемый И. И. Коротков – земское училище. Достаточно высокой была доля приверженцев марксизма с высшим образованием (табл. 3). Его требовала профессия врача, юриста, экономиста, горного инженера. Каждый десятый большевик обладал средним уровнем образования. Его за спиной имел в основном служащий или педагог. К отдельной небольшой группе можно отнести людей без образования (С. П. Восков, С. Т. Ковылкин, Т. В. Сапронов) и одного человека,

получившего домашнее воспитание (Д. С. Ермаков). Это можно объяснить тем, что необходимости в образовании для участия в революционной деятельности особо не было. Отметим, что 19 провинциальных большевиков (12,2 % от общего количества с выявленным образованием) не окончили образовательные учреждения или были исключены из них, по официальной терминологии, из-за «политической неблагонадежности» или вступления в антиправительственное движение. Не получив должного образования, они пополняли когорту профессиональных революционеров.

Таблица 3

Образовательный уровень элитарных большевиков

Образование	Количество	Процент
Высшее	53	33,97
Среднее	17	10,90
Низшее	82	52,57
Домашнее	1	0,64
Без образования	3	1,92
Всего	156	100

Левые социал-демократы имели невысокий уровень образования. Он способствовал завлечению людей в политическую экстремистскую деятельность, которой занимались большевики в начале XX в. На фоне низкой доли грамотности населения страны в то время [22, с. 491] радикальные марксисты являлись относительно образованными, могшими повезти за собой менее просвещенные массы.

Образование человек получает в определенном возрасте. Удельный вес зрелых левых социал-демократов (старше 35 лет) составлял почти четверть. Появившиеся на свет еще в середине XIX в. (1840–1870-е гг.), после провала народолюбчества и народничества вообще, они стали приверженцами популярного в стране в 1880–1890-е гг. марксизма, первоходками в партии, а позднее «стариками». Однако мощная революционная волна начала XX в. с массовым притоком молодежи резко уменьшила их влияние и авторитет в РСДРП. Ветераном был член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», на квар-

тире которого был принят написанный В. И. Лениным «Протест российских социал-демократов против взглядов “экономистов”», глава Тутаевского исполнительного комитета Совета рабоче-крестьянских депутатов и укома партии Н. Н. Панин.

Около 2/3 участников большевистской региональной элиты начала XX в. пребывали в возрасте 25–35 лет. Уроженцы в основном 1880-х гг. вступили в политику почти поровну: накануне и во время Первой российской революции 1905–1907 гг. Получив необходимый опыт революционной борьбы, они являлись руководителями и активными членами губкомов и обкомов партии, а также ВРК и Советов в переломном для России 1917 г. Их роль в провинциальной элите РСДРП(б) в то время была наиболее значительной. На их становление как политиков повлияли, очевидно, правительственные репрессии против учащихся высших учебных заведений и ответные студенческие протесты, экономический кризис, русско-японская война, Кровавое воскресенье и революция в целом.

На низком уровне была численность юношей (около 15 %). Родившиеся преимущественно в 1890-е гг., неопиты вошли в партию в 1910-е гг. и образовали новую генерацию большевиков, подпиравшую «стариков». «Старые большевики были в 1905 году, большевики сложились до пятого года», – говорил впоследствии один из высших руководителей ВКП(б) В. М. Молотов [23, с. 179]. Ленский расстрел 1912 г. (7 человек вступили на революционный путь именно в этот год), Первая мировая война и Революция 1917 г. стали факторами их политической социализации. Тов. пред. Царицынского Совета рабочих и солдатских депутатов А. К. Выдрин вступил в партию в сентябре 1917 г. [24].

Региональную большевистскую элиту составляли лица в возрасте не старше 35 лет (табл. 4). Молодость, недостаток жизненной опытности располагали к тому, что часть подданных Российской империи уходила в политический радикализм и использовала революционные методы и способы для решения существовавших противоречий и проблем в стране.

Таблица 4

Возрастная структура большевиков

Возраст (на 1917 г.)	Количество	Процент	Годы рождения		Годы вступления в политику		Количество	Процент
			Количество	Процент	Количество	Процент		
Свыше 35 лет	50	25,26	1840-е	1	0,51	1880-е	2	1,28
			1850-е	1	0,51			
			1860-е	5	2,53			
			1870-е	34	17,17	1890-е	22	14,01
25–35 лет	121	61,11	1880-е	122	61,61	1900-е	104	66,24
До 25 лет	27	13,63	1890-е	35	17,67	1910-е	29	18,47
Всего	198	100	Всего	198	100	Всего	157	100

По народностному составу подавляющее большинство революционеров были великороссами (табл. 5). На однородном фоне выделяется почти 10%-я еврейская прослойка. Интерпретация этого факта кроется в длительном существовании в Российской империи юридических ограничений лиц семитского происхождения, которые хотели уравнения в правах радикальным образом. Среди других инородцев были единичные представители малороссов (член Острогжского горкома С. Г. Тищенко), поляков (секретарь исполкома Псковского совета З. Я. Шеринский), удмуртов (зампред исполкома Ижевского совета И. И. Рогалев), чувашей (член Костромского губкома РСДРП(б) С. С. Данилов), молдаван (председатель Иваново-Вознесенского губкома М. И. Фрунзе), эстонцев (один из руководителей парторганизации Эстонии В. Э. Кингисепп), литовцев (председатель Пензенского губисполкома С. С. Турло), латышей (кандидат ВУС по Псковскому избирательному округу Я. Я. Фрейман). Национальный состав в основном соответствовал этническому облику населения восточноевропейской части страны с учетом практической реализации большевиками принципа пролетарского интернационализма.

Таблица 5

Национальный состав провинциальных марксистов

Народность	Количество	Процент
Великороссы	172	81,13
Малороссы	4	1,89
Поляки	6	2,83
Евреи	19	8,96
Латыши	4	1,89
Немцы	2	0,95
Литовцы	1	0,47
Эстонцы	1	0,47
Чуваши	1	0,47
Удмурты	1	0,47
Молдаване	1	0,47
Всего	212	100

Половое распределение провинциальных элитарных большевиков простое – почти все они были мужчинами, что никак не коррелировалось с декларируемым гендерным равенством (табл. 6). Тем не менее стремление достичь эмансипации определило небольшой процент женщин в революционной среде. Так, например, М. С. Залкинд-Цетлин являлась членом Астраханского губкома РСДРП(б) [25, с. 147], С. Л. Аристархова – одной из создательниц Курской большевистской организации [26, с. 10], А. В. Савельева – секретарем президиума Нижегородского совета рабочих и солдатских депутатов. Патриархальный тип российского общества конца XIX – начала XX в. определил мужской облик большевиков.

Таблица 6

Половое распределение большевистской элиты

Пол	Количество	Процент
Мужчины	205	96,69
Женщины	7	3,31
Всего	212	100

РСДРП(б) строилась В. И. Лениным как партия «нового типа» с целью захвата власти. В этом контексте интересна уголовно-революционная характеристика. 123 (62,75 %) из 196 большевиков, на которых есть персональная информация, подвергались разным репрессиям в царское время (аресты, ссылки, тюремное заключение, каторга). Их средний революционно-партийный стаж составлял 11,5 лет. Все это свидетельствует о твердой убежденности радикальных марксистов бороться с ненавистным им самодержавным строем и построить «светлое будущее».

Целостное исследование будет неполным без прослеживания послереволюционной судьбы элитарных большевиков. Трое из них вышли из РКП(б) и покинули политику, как кандидат ВУС по Казанскому избирательному округу К. П. Сидоров по причине «несогласия с политикой партии» [27]. Секретарь Симбирского губисполкома А. Я. Никитин покончил жизнь самоубийством. 5 казнены белыми, 6 убиты крестьянами, 6 погибли в Гражданскую войну и при невыясненных обстоятельствах. Многие были просто сняты с партийно-государственных должностей в 1920-е гг., например, председатель Костромского комитета РСДРП(б) А. П. Станкевич. 67 человек было репрессировано Советской властью, в основном в период «ежовщины». Исключение составлял член Родниковского отдела партии Л. И. Киселев, арестованный в 1921 г. как меньшевик. Член Курского комитета РСДРП(б) С. Н. Гуляев погиб в бою с фашистами во время Великой Отечественной войны. Всего 88 человек (44,89 %) умерли неестественной смертью, что является очень высоким показателем для обычных людей.

Итак, в среднем большевистская провинциальная элита происходила из низших слоев общества, была пролетарской по профессиональному составу, с начальным образованием, молодой по возрасту, состоящей из родившихся в 1880-е гг. мужчин-великороссов. Вступившая в политику в первое десятилетие XX в., подвергшаяся разным репрессиям в царское время, с десятилетним революционным стажем, она захватила и удерживала власть в регионах страны после Октября 1917 г. С утверждением И. В. Сталина на посту генсека ЦК РКП(б) она была устранена и заменена номенклатурой, а в годы «большого террора» и частично репрессирована.

Большевики являлись неотъемлемой частью российского социума, продуктом модернизации, соци-

ально-экономической трансформации, перехода от традиционного к индустриальному типу общества конца XIX – начала XX в. Они были людьми, причастными к кардинальным изменениям страны в 1917 г., непосредственными творцами истории, устанавливая Советскую (большевистскую) власть на местах, поддерживая руководство партии в Гражданскую войну. Со своими представлениями об устройстве страны большевистская провинциальная элита не ужилась ни с монархическим, ни со сталинским государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политические деятели Российской провинции от эпохи Николая II до Сталина : монография / [В. Л. Дьячков и др.]. – Тамбов : Изд-во ТГУ, 2013.
2. Пудовкин С. В. Социальное происхождение и положение кадетской провинциальной элиты в 1905–1917 гг. (по материалам базы данных деятелей провинциальной партийно-политической элиты России конца XIX – начала XX века) / С. В. Пудовкин // Альманах современной науки и образования. – Тамбов, 2012. – № 10 (65). – С. 160–163.
3. В. И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 / [ред. Ю. Н. Амиантов, Ю. А. Ахапкин, В. Т. Логинов]. – 2-е изд. – М. : Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2017.
4. Программы политических партий России, конец XIX – начало XX вв. : [сборник] / [отв. сост. В. В. Кривенский, Н. Н. Тарасова]. – М. : РОССПЭН, 1995.
5. История Коммунистической партии Советского Союза / [А. Б. Безбородов и др. ; отв. ред. А. Б. Безбородов]. – М. : РОССПЭН, 2013.
6. Красный террор. – 1918. – 1 нояб.
7. Псковский биографический словарь. – Псков : ПГПИ, 2002.
8. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 1810. – Оп. 1. – Д. 345.
9. Псковский набат. – 1917. – 27 окт.
10. Известия ЦК КПСС. – Июнь 1990. – № 7 (306).
11. Сайт музея «Дом на набережной». – URL: <https://dnpmuseum.ru/клавдия-макаровна-корнеева-1905-1967/>
12. Советская историческая энциклопедия : в 16 т. / гл. ред. Е. М. Жуков. – М. : Советская энциклопедия, 1961. – Т. 1.
13. Архив проектов МЦДИ Всероссийская перепись членов РКП(б). 1922–1923 гг. Анкеты. – URL: <https://idun.urfu.ru/archive/handle/idun/26267>
14. Рогачев Я. Путь большевика / Я. Рогачев, Б. Чистов. – Ульяновск : Приволжское книжное издание, 1968.
15. Архив ВЧК : сборник документов / отв. ред. В. Виноградов, А. Литвин, В. Христофоров ; сост. В. Виноградов, Н. Перемышленникова. – М. : Кучково поле, 2007.
16. Мичуринская правда. – 1957. – 8 мая.
17. Протасов Л. Г. Солдаты гарнизонов Центральной России в борьбе за власть Советов / Л. Г. Протасов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1978.
18. Политическая каторга и ссылка : биографический справочник членов общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. – М. : Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934.
19. Булдаков В. П. Красная смута. Природа последствий революционного насилия / В. П. Булдаков. – М. : РОССПЭН, 2010.
20. Сибирская Вандея. 1919–1920. Документы : в 2 т. / сост. В. И. Шишкин. – М. : Международный фонд «Демократия», 2000. – Т. 1.
21. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. – Ф. 651. – Оп. 6. – Д. 18.
22. Миронов Б. Н. Российская империя : от традиции к модерну : в 3 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланов (ДБ), 2015. – Т. 3.
23. Чуев Ф. И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева / Ф. И. Чуев. – М. : Терра, 1991.
24. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 9. – Д. 3032.
25. Толкачев Н. Солдаты Октября : историко-биографические очерки об участниках борьбы за власть Советов в Астрахани и Астраханской губернии / Н. Толкачев. – Астрахань : Волга, 1958.
26. Емельянов С. Н. Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. : (очерк военно-политической истории) / С. Н. Емельянов, А. В. Зорин, А. Г. Шпилев. – Курск : Полстар, 2013.
27. Из истории гонений Истинно-Православной (Катакомбной) Церкви. Конец 1920-х – начало 1970-х годов. – URL: <http://histor-ipt-kt.org/KNIGA/tatar.html>

Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя общеобразовательная школа № 3» г. Рассказово Тамбовской области

*Пьяных Н. И., кандидат исторических наук, учитель истории и обществознания
E-mail: nikita-p-2016@mail.ru*

Municipal Budgetary Educational Institution «Secondary School № 3» Rasskazovo Tambov Region

*Pianykh N. I., Candidate of Historical Sciences, History and Social Studies Teacher
E-mail: nikita-p-2016@mail.ru*